

пять
рассказов
про мужчин,
женщин
и детей

роман
сенчин

девушка
со струной

18+

Содержит
нецензурную
брань

Во весь голос

Роман Сенчин

**Девушка со струной.
Пять рассказов про
мужчин, женщин и детей**

Издательский дом «Городец»

2026

Сенчин Р. В.

Девушка со струной. Пять рассказов про мужчин, женщин и детей
/ Р. В. Сенчин — Издательский дом «Городец», 2026 — (Во весь
голос)

ISBN 978-5-908133-06-7

Героев прозы Романа Сенчина можно было бы назвать среднестатистическими, если бы не автор, показывающий своего нового маленького человека на пике его драмы, часто в тот самый миг, когда лишь наметившийся надлом становится неумолимым роком. В каждом из рассказов, написанных в разные годы и расположенных в хронологическом порядке, отразилась тотальная нелюбовь своего времени, сдавливающая этих героев. И только в сравнении познается, насколько разной, но всеобъемлющей она может быть.

ISBN 978-5-908133-06-7

© Сенчин Р. В., 2026

© Издательский дом «Городец», 2026

Содержание

Афинские ночи	6
1	6
2	11
3	18
4	24
5	31
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Роман Сенчин
Девушка со струной
Пять рассказов про
мужчин, женщин и детей

© Р. В. Сенчин, 2026

© ИД «Городец», 2026

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

@ Электронная версия книги подготовлена ИД «Городец» (<https://gorodets.ru/>)

Афинские ночи

1

Магазин «Стелла» в семнадцати минутах ходьбы от метро. Добрался. Вхожу.

Прямоком в отдел напитков. Ищу пластиковые полторалитровки с ядовитой газировкой. Ну «Буратино», «Апельсиновый аромат», «Крем-сода», «Тархун» одного подвального цеха... Короче, заправка для подзаборных аликов. За шесть рублей в наше время что может быть, сами знаете. Челюсти сводит после пары глотков химии и красителей.

И вот я проверяю, как распродается эта отравка. Такая у меня работа.

Осматриваю полки с сотней разных бутылок. Водяра, пиво, минералка, пепси, вино... Да, только подумать, сколько людей делают на этом бабли. На всем этом поиле. Одни производят ингредиенты, другие смешивают, третьи рекламируют, четвертые продают, пятые перепродают. И я тоже вот...

Из семи видов той отравы, что контролирую, на прилавке только четыре.

– Я из фирмы «Вестас-М», – представляюсь продавщице. – У меня вопрос: где еще три вида нашей продукции? «Тархун», «Дюшес» и «Персиковый аромат»?

Жирная, но изможденная продавщица с раздражением смотрит на меня, потом оглядывается на полки. Отвечает:

– Разошлось.

– Да? – Я, в общем-то, не удивлен, наше дерьмо неплохо реализуется, дай бог – дешевое.

Но все равно должен выяснить: – А почему не сообщаете?

Продавщица, конечно, моментом озлилась:

– Разошлось в течение дня. Что мне, после каждой бутылки к телефону бросаться? Тоже умники...

– Ясно, – перебиваю, вынимая блокнот, – успокойтесь, пожалуйста.

Сам я на грани, сам могу ей что-нибудь сказать. Уж на ее убогую злость у меня найдется раза в три круче... Нет, блин, я должен держаться и быть вежливым, деловито-корректным.

Записываю номер магазина, виды распроданной газировки; осведомляюсь о количестве оставшейся. Затем почти бегом к метро. Четырнадцать точек в Юго-Западном округе за день – не слабо.

Вечер пятницы...

Только домой ввалился, жена сует мне ребенка:

– Что, пойдете гулять?

Тут уж я могу выплеснуть свои эмоции.

– Да, прям щас, вприпрыжку! Скок-скок... Наверно, пожрать хочется!

– А чего ты орешь?! – отвечает тем же женой.

– Устал, наверно.

– А нормально сказать нельзя? – И, оскорбленная, уносит ребенка в комнату. Хлопает дверью.

Я накладываю себе вермишель, две плоские, наполовину из риса и хлеба, котлеты. Жую. В квартире духота. Отопление не отключили, а погода совсем июньская. За каких-то четыре дня из зимы перескочили в лето.

Набил желудок, немного пришел в себя. Вместо раздражения появилась усталость. Самое правильное – завалиться сейчас на диван и посмотреть телик. Кровавый боевичок с Брюсом Уиллисом. Но надо вести сына гулять. У нас договоренность с женой, что в пятницу, субботу

и воскресенье гуляю с ним я, а жена – в остальные дни. Скорей бы ему два года исполнилось, отдали бы в садик...

– Спасибо, – говорю примирительно. – Что, Саня, пошли прогуляемся?

Жена дуется, но спускает с колен ребенка, тот, визжа, подбегает ко мне. Уже одет для улицы, на ногах сапожки за двести двадцать рублей. Кричит радостно:

– Папунь!..

Беру его под мышку, волоку коляску по лестнице с четвертого этажа. Хорошо, что заставил жену купить эту простенькую и дешевую, она легкая. Жене хотелось, чтоб была не хуже, чем у других, – на больших толстых колесах с рессорами, со всякими прибабасами. Такая и весит как танк. А меня и эту, когда вот тащусь с ней по лестнице, тянет куда-нибудь выкинуть.

Вот сейчас самые тяжелые дни. Середина апреля по календарю, а жарень стоит – с ума можно съехать. Все оживает, распускается на глазах. Вчера газоны были черными, грязными, а сегодня подернулись легкой зеленью пробившейся травы. Завтра и вовсе... Птицы распелись на посветлевших деревьях, люди скинули пальто, куртки, даже ходят как-то медленнее, у всех сощуренные глаза. Воздух стал вкусным, несмотря на бензиновый дым.

И так тянет оторваться, полететь подальше отсюда, в тридесятые земли. На море там, в лес...

Перебираюсь с коляской через две оживленные улицы. Проклинаю несущиеся машины, которым наплевать на зебры, проклинаю отсутствие светофоров. Вдобавок Саня не хочет сидеть в коляске, куда-то все порывается. Выползает из-под ремня.

– Да сиди ты спокойно, – запикиваю его на сиденье, – сейчас в Коломенское придем, будешь бегать.

– А не-е-е! – ноет он. – Да-ай!

– Сейчас дам – запомнишь. Сиди нормально, тебе сказано!

Ну ничего, завтра, если получится, то на море... не на море, так за город вырвусь. Парни бы только не подвели... Боюсь загадывать, особо мечтать: а то обязательно не состоится.

Дождавшись бреши в потоке машин, перебегаю с другими колясочными папашами и мамашами, прочими пешеходами через улицу Новинки.

За спиной сигналят, визжат тормоза, там ругань: чуть кого-то не задавили.

И в прошлые годы, ясное дело, были такие дни, когда зима исчезает и ее место на земле занимает молодая, свежая, как пятнадцатилетняя школьница, опьяняющая весна. Но нынче они особенно сильно сносят мне башню. Прямо так тяжело, так хочется чего-то такого... Бро-сил бы все, вот прямо в любую минуту. Денег только нет, а без них в свободу не поиграешь.

Спасибо Дэну с Борисом – подали надежду отвязаться на пару деньков. Если обломают, станет еще хреновей, еще тяжелей.

Да, каждый год есть несколько дней. Раньше я чувствовал их, догадывался, что они переломные, что они заставляют птиц лететь с континента на континент, и самому тоже хотелось. Но не так сильно, кажется. Моя жизнь была другой, я еще не увяз тогда, не зарос ежедневно-стью. А теперь все размеренно, все предсказуемо: пять дней в неделю бегаю по Юго-Западному округу, контролирую реализацию газировки в гастрономах, ларьках и минимаркетах, а два дня провожу с семьей. С ребенком гуляю вот, дверцы у шкафа подкручиваю, прочищаю засорившуюся раковину, смотрю телик... И хоть это не так уж давно началось, но так успело достать.

... Сане полтора года, он пребывает в счастливом детстве, бегая, где ему вздумается, а мне – мучение. В пять минут он перемазался в луже, успел перетрогать десяток пивных крышек, окурков.

Таскаюсь за ним по дорожкам и бездорожью, то и дело кричу:

– Брось каку сейчас же, брось!.. Саша, а меня подождать? Не подходи близко к лошадке – ударит!

А он просто не слышит. Ведь он – хозяин, а я его нянька. Как расчудесное время вспоминается, когда он лежал в корзиночке первые месяцы после роддома, даже плакать как следует не умел. А потом началось. Зубы резаться стали, личность оформляться, познание мира... Дальше, говорят, будет еще мрачнее. Вот вырастет каким-нибудь подонком, бегай тогда по судам, плати за его подвиги, или в армию заберут...

Все вокруг счастливей меня. По крайней мере, на вид. Особенно молодежь с пивком. Сидят на спинках скамеек, парни обнимают соблазнительных девушек... Весь мир наполняется соком, начинает бродить, как вино в громаднейшей бочке. Весна, одним словом, весна... Даже нищие, кажется, просят денежку не на хлеб и дешевую водку, а на шампанское.

Люди радуются, отдыхают на всю катушку. В открытую, никого не стесняясь, любят друг друга. Кому по карману, едят шашлыки, на американских горках катаются. Один я, как последний урод, вынужден мотаться туда-сюда, повинаясь каким-то импульсам в маленькой головенке сына...

Погуляв полтора часа, догоняю Саню и пытаюсь вернуть в коляску. Для этого у меня припасено печенье, обычно оно отвлекает сына от беготни.

Нет, сегодня не отвлекло. Он рвется на волю, растопыривает ноги в измазанных до предела сапожках, кричит, извивается.

– Пора домой, Саня, – ласково уговариваю. – Погуляли, теперь поедem, мама вкусенького даст... – Постепенно перехожу на рычание. – Ну-ка, садись. Успокойся! Возьми печенку и успокойся!

Конечно, в ответ рев, бессвязные крики, махание руками, ногами. Печенька падает в грязь.

Досадливые взгляды со всех сторон. Дескать, нарушаем покой, мешаем отдыху... Ничего, вот появится у вас нечто подобное, тогда поймете.

Справился кое-как с сыночком, крепко пристегнув к коляске. Повез скорее домой. Сейчас сдам жене, врублю телик, забьюсь под одеяло. Буду ждать звонка от Дэна. Если не позвонит – вины. Больше никаких сил терпеть.

Наоравшись, наиздевавшись, Саня уснул. В двух шагах от подъезда. Блин, самое запаadlo. Тащить его вместе с коляской?.. Сажусь на лавочку, жду, когда выпится.

Тополь надо мной сыплет почками. Некоторые приклеиваются к волосам. Отдираю их... Через два-три дня листья всю покажутся. Да, все оживает, распускается, окрашивается в веселые цвета. А я сижу во дворе облупленной пятиэтажки и вместо счастливых весенних дел, вместо праздника тупо гублю предназначенное для радости время. Внутри меня тоже бурлят какие-то соки, но бесполезно.

То и дело смотрю на часы. Дэн обещал позвонить ровно в девять. Сейчас без двадцати. Главное – опередить жену, взять трубку первым...

Выкурив пару сигарет, не выдерживаю, тащу коляску с ребенком по узкой лестнице. В следующий раз снимать квартиру надо обязательно в доме с лифтом, правда, выйдет дороже. На сегодняшний день мы можем позволить себе только вот такую крошечную однушку, где на кухне двоим не протолкнуться, а унитаз помещается почти под ванной, к тому же ванна сидячая. Строили такие конурки для одиноких старух, теперь же сдают молодым семьям за полторы тысячи в месяц.

Поднимал, тряс коляской. Два раза ставил на площадку, чтоб передохнуть. Саня даже не шевельнулся. Вот бы во время прогулки так. Нет, работает закон подлости.

– Погуляли? – Жена улыбается.

– Угу... Вот срубился перед самым домом, а когда вез – изорался.

Раздеваюсь, пью воду. Иду в комнату. Сел в кресло, поставил рядышком телефон. Телевизор включен, ищу на дистанционке, что бы посмотреть. Ничего интересного. Оставляю Эм-ти-ви, какого-то лоснящегося турка, зовущего жалобным голосом Аизу или Азизу...

– Есть будешь? – спрашивает жена.

– Я же ел недавно.

– Там еще котлетки остались, вермишель. – Она садится на подлокотник кресла, ворошит мне волосы. – Не сердись, дорогой. Я сегодня тоже устала ужасно. Надо было перевод срочно доделать, потом с Сашкой на руках бегала его отдавать.

Жена у меня неплохо знает технический английский, иногда ей перепадает заказ что-нибудь перевести.

– И как, – спрашиваю, – заплатили?

– Обещали на будущей неделе.

– Я-асно... – Смотрю на часы: без пяти минут девять. – Если можно, чайку бы.

– Сейчас поставлю... Кстати! – вспомнила. – Мирзоев новый спектакль поставил, «Укрощение строптивой», с Сухановым. Ольга звонила, предлагала провести. В следующую субботу. Пойдем?

В позапрошлом году она окончила Щукинское училище, актрисой стремилась стать. Теперь же вот вышла замуж, родила, и на спектаклях даже в роли зрителя бывать стало проблематично.

– А Саню куда? – спрашиваю.

– Родителям отвезем. Один-то вечер согласится с ним повозиться...

– Давай попробуем, – пожимаю плечами и тут же, чтоб закончить скорей разговор, обещаю твердо: – Ладно, ходим. Мирзоев – режиссер интересный, жалко пропустить.

Жена поцеловала меня в лоб и пошла на кухню. Переключаю телевизор на ОРТ, там мощный рекламный блок перед программой «Время». Ну что, будет Дэн звонить или опять простегал просто... На него это похоже.

– Тебе с сахаром? – заглянула жена.

– Нет, и не крепкий. Спать, наверное, лягу сейчас.

Она скрылась. Тут как раз и затрещал телефон.

– Алло? – спрашиваю я как можно спокойнее.

Из трубки забубнил дэновский голос:

– Здорово! Чего делаешь?

– Отдыхаю...

– Меня? – Еще раз заглянула жена.

Я сделал лицо озабоченным и серьезным, мотнул головой отрицательно. И деловым тоном в трубку:

– Да, слушаю, слушаю.

– Ну как, едешь? – говорит Дэн. – Отпустила супруга?

– Понятно, – кисло отзываюсь. – И во сколько?

– В девять утра на Белорусском, в кафе. Знаешь, которое за шестой платформой? Там еще бильярдный зал рядом...

– Как-как?

Дэн слегка раздражается, все же объясняет подробно, а я киваю: «Так, так», не забывая сохранять на лице кислую мину.

– Понял, хорошо, – говорю, когда Дэн замолкает. – И сколько дней это продлится?

– Ну суббота, воскресенье. В воскресенье вечером вернемся, если кураж дальше не попрет. Ты же знаешь Муската, ему только волю дай!..

– Мда-а. Что ж, я согласен. Что делать...

Дэн усмехается:

– Жена рядом, хе-хе? Ладно тогда. В общем, запомнил, где встречаемся?

– Да, да, в девять часов. До свидания.

Вздыхаю и кладу трубку. Уныло смотрю на жену.

– Что случилось, дорогой?

Выдержав паузу, отвечаю без капли радости:

– В командировку отправляют на выходные.

– Куда? В командировку? – В ее голосе удивление и недоверие.

– По югу области. Мотаться по станциям, эти чертовы магазины проверять. Плохо реализация, говорят, пошла... Вот тебе и уик-энд...

В начале десятого пробудился Саня. Жена сняла с него уличную испачканную одежду. Посадила ужинать. Тот, конечно, разбросал вермишель по всей комнате, опрокинул на себя чашку с молоком.

Пришлось подтирать и подметать, пока жена его снова переодевала.

После ужина Саня принялся растрачивать недосожженную во время прогулки энергию. Устроил беготню из прихожей в комнату. Подбежит к двери, ударит ее ладонями, взвизгнет и топчет к тумбочке, где стоит телевизор.

Естественно, позвонил сосед снизу. Трубку взяла жена, минут десять ругалась с ним. Потом стала пересказывать мне.

– Штукатурка у него, видите ли, сыплется! Требуется, чтобы линолеум постелили или половички. Я сказала, что нам нравится паркет. Пускай сам какой-нибудь навесной потолок закажет себе, шумонепроницаемый...

– Я же слышал все это, здесь ведь сижу, – перебиваю ее в конце концов.

Жена вздыхает напоследок:

– Вот бог послал соседку – ни дня без претензий. Ох, менять надо квартиру, одно мучение.

Саня приволок откуда-то кисточку. Четвертый номер, кажется. Уселся посреди комнаты, стал выдергивать из нее волоски. Жена отобрала, он заныл.

– Смотри, – подает мне, – твой инструмент. Куда положить?

– Да хоть куда. Или выкинь.

В основном большинство своих холстиков и принадлежностей для покраса я выбросил во время последнего переезда. Здесь ни хранить, ни заниматься художеством негде, да и особой потребности нет... Под кроватью лежит, правда, несколько картинок, палитра и этюдник с красками, но не тянет их доставать. Осталась живопись где-то в прошлом, вспоминать даже не хочется.

Смирившись с командировкой, жена стала меня успокаивать; посоветовала поговорить с шефом насчет отгулов, возмещения потерянных выходных.

– Да какие отгулы в наше время? – морщусь я. – Что хотят, то и делают...

– А как, должны же заплатить за эту командировку. Да? Ведь не просто так...

– Ну, наверное. На это и стоит надеяться.

Утром будильник зазвенел в половине восьмого. Я плотно позавтракал, сохраняя вид до крайности расстроенного человека. Жена дала мне тридцать рублей. Оговорилась:

– Еще бы... но ведь за квартиру скоро платить.

– Ладно, хватит и этого...

Воспользовавшись моментом, я достал из своего тайника в туалете все, что там находилось, – сто пятьдесят.

– Ну пока, – целую жену.

– Возвращайся быстрее, дорогой.

– Как получится. В воскресенье вечером, скорее всего.

– Ждем тебя сильно-сильно.

– Угу...

2

– О-о, вот и Хроныш! – заорал мне навстречу Борис.

Такая у меня кликуха дебильная – Хрон. Дескать, хронический алкаш. Только какой же я хронический, откуда такие деньги... В последнее время даже двух дней подряд пить не получается. Семья, работа, ребенок. И партнеров для пьянства нет, все в своих делах и заботах.

У Бориса и Дэна кликухи, кстати, не слабее моей: Дэн – Синий, ну тоже алкашная: Синяк, Синяя Дыня; а у Бориса – Мускат. Борис когда-то мускатный орех жрал чуть ли не каждый день, сознание свое пытался изменить, чтобы начать писать гениальные полотна; но вместо этого у него появилось жжение в кишках, и Борис вернулся к водке и пиву.

Сейчас они сидят за оранжевым пластиковым столиком в кафешке, пьют «Очаково» из бутылки 2,25 литра. Подхожу, плюхаюсь на свободный стул.

Дэн наливает мне пива в стакан, приговаривает рекламным голосом:

– Веселая компания, вливайся!

– Вливаюсь, вливаюсь.

– А я думал, Хрон, что ты в Югославии, – усмехнулся Борис.

– С какой радости?

– Ну, блин, надо ж тебе как-то более-менее достойно свою жизненку прикончить.

Глотнули «Очаковки», закурили. Я по случаю праздника курю сегодня «Союз Аполлон», а не будничную «Приму». Купил пачку в киоске у дома; пока ехал в метро, выпил «Посадского». Так что чувствую себя неплохо.

– Что, жена-то истерику не закатила? – ехидно спрашивает Борис, обнажив свои мелкие черноватые зубы.

– Да нет, все нормально. Мы с Дэном по-мудрому поступили. Он мне позвонил, а я сделал вид, что это с фирмы в командировку отправляют.

Борис удивлен:

– Какая у тебя командировка может быть?

– Ну проверять магазины по области. Наша газировка везде же есть.

Дэн тем временем разлил остатки «Очакова». Поднял свой стакан:

– За удачную отвязку!

– За умопомрачительные куражи! – добавляет Борис.

Настроение стремительно повышается, я вдруг пугаюсь, что могу наделать каких-нибудь глупостей. Давно не чувствовал себя таким свободным, давно не видел этих ребят, которых считаю единственными друзьями здесь, в Москве; давно никуда не вырывался дальше границ города... Хочется выпить водки.

– Давайте по сто грамм?

Дэн и Борис считают, что для водки рано еще. Они взяли новую бутылку «Очакова», а я – сто пятьдесят «Столичной» и бутерброд с сыром.

Пока пили, Борис стал рассказывать:

– Тут книжку такую купил. Стихи...

– Чего? – Дэн реагирует хохотом. – Стихи?!

– Я люблю хорошие стихи, – гордо отвечает Борис. – Я ведь не быдло, как некоторые, а продвинутый молодой человек.

– Ух ты, бля!

Глотнув водки, приглушаю их перебранку:

– Что за стихи-то?

– Был такой поэт Серебряного века, Одинокый. О нем Ходасевич, Георгий Иванов писали, но презрительно так. Вроде алкаш и графоман. Хотя Иванов приводит один стих Одинокого, с которым его описки и рядом не ночевали.

Дэн морщится:

– Хорош про стихи. Что, мы собрались о стихах перетирать?

– Нет, ты послушай, – не отступает Борис, – даже тебе должно покатить. – И слегка визгливым голосом декламирует:

Я до конца презираю
Истину, совесть и честь,
Только всего и желаю:
Бражничать блудно да есть.
Только бы льнули девчонки,
К черту пославшие стыд,
Только б водились деньжонки
Да не слабел аппетит!

– А ж наизусть выучил, – подмигивает мне Дэн.

Борис заводится стремительно и неудержимо, захлебывается от эмоций:

– А что, скажешь, дерьмо?! Самые современные сейчас стихи, почти гимн. И вот появилась наконец-то целая книга. Там такие вещи попадают!..

Да, мне хорошо, слишком хорошо. Как-то страшновато даже. Быстро пьянею, не от попойки скорей, а от ощущения почти забытой свободы, чего-то необычного, небудничного. Тянет заорать, запрыгать, стол кинуть в витрину... Вот что делается, когда сворачиваешь с накатанной колеи.

Два года назад окончили Суриковку. Мы с Борисом, молодые провинциальные дарования, учились на живописцев, а Дэн, как малоодаренный сын московского члена Союза художников, на промграфика. Но никто из нас художником не стал; Дэн, правда, близок к своей специальности – моделирует в папашиной фирмочке узоры для обоев и линолеума. Борис сидит в туристическом агентстве, а я вот брожу по магазинам и контролирую реализацию ядовитой газировки.

Художников и без нас полным-полно, тесные ряды, в которые не протиснуться. А надо жить, что-нибудь ням-ням...

Иногда мы встречаемся, выпиваем, однажды, помню, смотались на пару дней в Питер, а сегодня вот решили выбраться за пределы Москвы, в первый попавшийся городок, там потусоваться, покуражиться день-другой.

Хочется жизнь разукрашивать. Иначе превратишься в тупой станок, в двуногую машину с проводками вместо мозгов. Рано или поздно это случится, но нужно оттягивать этот момент.

В окно кафе видна платформа. Время от времени подъезжает электричка, заполняется народом и укатывает прочь из столицы.

С утра людей было битком, а теперь меньше – основная масса дачников миновала.

– Ладно, Мускат, хорош гнать, – перебивает Дэн рассказ Бориса о поэте Одиноким, смотрит на часы. – Пора в путь. А то пока доедем, дело к вечеру.

– Куда едем-то? – спрашиваю.

– Да куда глаза глядят.

Борис разлил остатки пива себе и Дэну. Я прикупил еще сто грамм водки и бутерброд с ветчиной.

– Ты ж сейчас упадешь, Хронитур, – предупреждает Дэн. – Зачем сразу с водяры начинать?

Меня уже слегка цепануло выпитое. С пренебрежением смотрю на пиво, поднимаю свой стаканчик со «Столичной», отвечаю:

– Кто любит пиво и вино, тот с жидами заодно.

– Ха-ха!..

Заглотнули пойло, встали. Я в уме подсчитал, сколько уже потратил. Две порции водки, бутылка «Посадского», «Союз Аполлон», бутерброды – больше полтинника!.. Ну ладно, Дэн обещал за меня забашлять, я его предупреждал, что с деньгами у меня неважнецки.

Помочившись в бесплатных синих кабинках, где экскременты пахнут ландышем, пришли на шестую платформу. Народ активно стекается, значит, электричка скоро. Пока что рассматриваем видеокассеты в киоске.

– Вот наборец, – хмыкает Борис, показывая на шеренгу кассет с эротическими фильмами. – «Невтерпеж», «Сексоповал», «Прошмандовки».

– Я слышал, что закон приняли, чтоб торговать этим только в специальных магазинах, – отрываюсь, – а везде лежит.

– Ну так этот бизнес не слабей водочного.

Вздыхаю:

– Вот возьмут действительно запретят, а мы никак не соберемся видак купить. По телику «Плейбой» и «Клубничный десерт» в такую позднень идут, всегда засыпаю...

– У тебя ж жена есть, – удивляется Дэн.

– Хм, жена... Новых впечатлений, наверное, хочется. Самое – порнуху посмотреть и одновременно с женой... Вроде получается как с той телкой, из телика...

– Ничего, Хрон, сегодня будут тебе новые впечатления. Приедем, подсмотрим девочку рублей за триста...

– Да-а, – мечтательно стонет Борис. – Устроим Армагеддон!

В вагоне толкотня и духота. Еле нашли, куда можно сесть втроем. Мы с Дэном – на одну скамью, Борис напротив нас. Дэн тут же поднялся, стал открывать окно.

– Заклиненное, сука...

– Вышиб-бай к херам! – отвясно посоветовал Борис.

Дэн вместо вышибания сел на свое место и поставил сумку на колени. «Осторожно, двери закрываются», – прокрипело в динамиках. У меня слегка закружилась голова, скорее всего, от волнения – тысячу лет никуда не ездил, даже и забыл ощущение, когда колеса о рельсы постукивают, за окном все плывет...

– Ну, – Дэн достал из сумки бутылку портвейна, – обмоем теперь начало поездки.

– Дава-ай, – воодушевился Борис.

Штопора, ясно, ни у кого из нас не оказалось. Дэн долго кряхтел и матерился, пока ему не удалось вогнать пробку внутрь бутылки.

От духоты и нескольких крупных глотков вина меня стало всерьез развозить.

– Что, – спрашиваю Бориса, – красишь картинки? Помнишь, ты ремейк Иванова собирався делать?

– «Явление Христа народу»? Забросил, некогда. Так, иногда наброски разные. К холстам давно не подхожу.

– Значит, не сотворил дело жизни? – усмехается Дэн. – Ты ведь этим «Явлением...» так бредил, о нем только и говорил...

– А, детство все это. Да и неактуально уже.

Еще курсе на третьем у Бориса родилась идея написать грандиозное полотно. Появляется, дескать, Христос перед людьми, а те в ужасе разбегаются. Мчатся в лес, кидаются в воду, скачут прочь на лошадях. Люди все красивые, ухоженные, этакие античные полубоги, а спаситель их в рванине какой-то, в язвах, с колокольчиком прокаженного на шее.

– Да какая сейчас живопись, – вздыхает Борис, – целыми днями работаешь, пока вечером домой доберешься, в этот мой Реутов, уже девятый час. Пожру, ящик посмотрю – и спать. Утром в восемь часов опять в электричке... В выходные отдохнуть хочется... А ты неужели красишь? – он спрашивает меня с удивлением и вроде даже с испугом.

– Дурак, что ли...

Дэна мы и не спрашиваем – ему Суриковка пять лет была как бельмо на глазу. Окончил и долго крестился, радуясь, что все позади. Диплом получил и торжественно сжег все свои художества во дворе дома.

Электричка не спеша, то и дело тормозя на станциях, укатывает дальше и дальше от Белорусского вокзала. Машинист неразборчиво бормочет в динамиках. Пассажиры толкаются в проходе, цепляясь за сиденья своими сумками-тележками, замотанными в мокрую тряпку саженцами.

Я приткнулся головой к оконной раме и задремал.

Стало сниться, что вроде я куда-то лечу. Сначала лететь приятно – в таком горизонтальном положении, животом вниз, разглядывая луга и перелески с небольшой высоты. Свежий ветерок обдувает лицо... Потом ветер усилился, стал тревожить. Наглые, угрожающие порывы. Они хотят меня опрокинуть. То слева, то справа, но я держусь. А вот когда сзади, теряю равновесие, кувыркаюсь, вхожу в пике. Земля все ближе, видна каждая травинка. Ох, как страшно!.. Сейчас врежусь...

Очнулся, нет, я на скамейке, все нормально. Вспомнил: такое же снилось по юности, когда только привыкал к выпивке и меня мутило во сне.

– Чего дергаешься? – Борис с удовольствием досасывает портвейн.

– Блин, тошнит, – отвечаю.

– Ясен дундич. Сначала пиво, потом водяра, теперь винище. Любого затошнит.

Дэн мирно посапывает, ритмично стучаясь башкой о стену вагона. Толкаю его:

– Есть целлофановый пакет? – И чувствую, что вот-вот из меня брызнет.

– А? – не понимает Дэн.

– Да иди между вагонами проблудись, – советует Борис и сует мне в руки пустой батл из-под вина. – Как раз и это выкинешь.

Я спешу туда, куда он посоветовал. Бросаю бутылку в щель на мельтешащие шпалы, затем посылаю туда же содержимое моего пищевода. В три приема. Заодно еще сильнее жалею о потраченном полтиннике... Зря так круто начал, ведь не пил давно всерьез. Надо входить постепенно...

Возвращаюсь в вагон. Борис и Дэн уже с новой бутылкой. На этот раз аперитив.

– Вот как надо, придурок, – говорит мне Борис, – на повышение градуса надо заливать. А ты, ты Хроныш и есть, хлещешь все подряд без разбора.

– Отвянь, – отвечаю; в глотке жжет и першит. – Дайте хлебнуть.

Дэн подмигивает, подавая бутылку:

– Неплохое начало путешествия?

– Ничего вроде как...

– Дальше будет круче.

– Чувствую, раскуражимся на всю катушку, – сладко потянулся Борис и тут же озабочился: – А куда все-таки едем? Куда эта ветка?

– До Вязьмы.

– Это ж далеко.

– Ну ближе где-нибудь вылезем. Да что грузиться – при башлях везде ништяк.

Борис сопротивляется:

– Я не хочу где-нибудь на полустанке куражить. Надо городок, со всеми удобствами чтоб, но с бедным населением, готовым на все. Чтоб девочки были, все такое. С пятисоткой чтоб чувствовать себя человеком.

– Это тебе надо в Белоруссию ехать. В Могилёв, Бобруйск, там как раз такие расклады. – И, вспомнив про Белоруссию, Дэн тускнеет. – Корешок все зовет туда, кучу маз предлагает... Я был позапрошлым летом, так оттянулись!.. Там вот точно с пятью сотнями нашими неделю можно как богу жить... Надо съездить скорей, а то возьмут в натуре объединятся, единую рублевую зону сделают, тогда уже так не будет...

Аперитив слегка меня оживил. Першение в глотке притихло, голова прояснилась.

Оглядываюсь. По соседству с Борисом сидят две пожилые тетки в спортивных штанах и ветровках, у одной между ног полумертвое деревце, другая держит на коленях корзину, и там что-то шевелится. Слева от меня пришибленный, сухощавый мужичок. Он завистливо поглядывает, как мы пьем. Тоже, наверное, хочется.

– Ну и что там твой поэт? – переводит Дэн разговор с поездов на литературу. – Расскажи, Мускат.

– Какой поэт еще?

– Ну ты кипятком в кафе ссался. Гениальный какой-то... Как его?..

– А, Одинокий! – Борис заулыбался, словно ему сообщили о скором возвращении крупного долга; щедро глотнул аперитива и с готовностью закрутил шарманку: – Поэт действительно гениальный. Зоценко так о нем и пишет: гений... Я, вообще-то, стихи не люблю как таковые, поэзия давно уже крякнула, одни ошметки остались. Но у Одинокого штук пятнадцать стихов – супер просто! Вот, например:

Я понимаю мир как Благо.

Я ощущаю мир как Зло.

И Борис значительно замолк, поджав губы.

– А дальше? – спрашиваю.

– Что – дальше?

– Ну дальше какие строчки?

– А этих мало? Ты вдумайся только: «Я понимаю мир как Благо. Я ощущаю мир как Зло». Это ж вселенная целая! Вся наша гнилая цивилизация встает перед глазами с ее грязью, уродами, вот такими деревьями. – Борис показал пальцем на саженец в ногах у тетки слева; та тут же нахохлилась. – Не встает перед глазами?

– Да нет.

Борис изумляется:

– Да ты, Хрон, вконец отупел! Вот тебя цивилизация настолько отравила, что зло ты уже считаешь благом.

– Не считаю я ничего. Просто в мире ничего нет хорошего ни для меня, ни для тех, кто меня окружает. И надеяться не на что.

– Ну ёпта! – Борис по-настоящему завелся. – Но теоретически же должно быть хорошее. Такое глобальное, чистое благо, благодать, которую мы, наши сраные предки точнее, утопили в говне. А?..

– Молодой человек, да перестаньте вы материться, в конце-то концов! – прорвало тетку с деревцем между ног. – Сколько можно? Я сейчас за милицией схожу.

Борис ошалело посмотрел на нее, потом хлопнул себя ладонями по коленям:

– Вот пять дней в неделю приходится в офисе по восемь часов подряд улыбаться каждому рылу, так и в выходные расслабиться не дают!

– Идите в пивнушку и расслабляйтесь.

– Матушка! – обычно визгливый голос Бориса сейчас напоминает рычание. – Я без тебя в курсе, где мне расслабляться. Ясно, нет?..

Каждые пять-семь минут то с одного конца вагона, то с другого начинают громко, неестественно внятно, с выражением рекламировать товары транспортные торговцы. В основном это молодые люди интеллигентного вида, мужчины и женщины. Торгуют всем подряд: батарейками, шоколадом, обложками для ученических тетрадей, бритвами «Биг», носками... Перед тем как пойти вдоль сидений, они расхваливают свои товары по уникально низким ценам. Но редко кто покупает. Более-менее, как я заметил, с наваром остаются продавцы газет и какой-то парень, торгующий лекарством на основе яда кобры «с аннотацией на русском языке». Лекарство раскупали пенсионеры, для которых оно, с «благотворительной скидкой», всего двадцать рублей.

Тетка с сажением тоже купила тюбик. Борис хмыкнул и, потянувшись к нам с Дэном, сказал довольно громко:

– Тоже жить хочет!

– Посмотрю я на тебя в пятьдесят семь лет, – огрызнулась тетка.

– Вряд ли дождетесь...

Вот тащится, толкая стоящих в проходе пассажиров, мужчина с асимметричными усами и в выцветшем камуфляже. Может, и действительно бывший офицер, не спорю, но скорее просто переодетый в него, чтоб людям на жалость давить... Вместо правой ноги у него протез, штанина специально завернута до бедра, и видно скрепление протеза с отнятой по колено ногой, ремешки. Правая рука кончается локтем, остренький обрезок ярко багровеет толстым, достаточно свежим шрамом.

Мужчина молча держит в левой руке камуфлированную шапочку, которую в армии называют «пидорка». Туда, по идее, должны класть деньги на пропитание инвалиду. Но пассажиры, мельком взглянув на него, опускают лица поближе к книгам, журналам или уставляют их в окна, ожидая, когда калека пройдет мимо.

Он доковылял до двери, бросил пидорку на голову, толкнул дверь, направляясь в следующий вагон.

– Бля, контролеры! – зашипел Борис.

Дэн обернулся, я тоже. В противоположном конце вагона двое парней в форме железнодорожников начинают проверять билеты. Хорошо, что с одного конца начали, а не взяли вагон в кольцо.

Дэн по-быстрому застегнул сумку, поднялся, скомандовал:

– На подрыв!

Мы убралась в тамбур, понаблюдали, как парни медленно приближаются к нам, по пути ругаясь с пассажирами и уговаривая кое-кого платить штраф или сойти с электрички на ближайшей станции. Некоторые собирали вещички и направлялись на выход.

Мы тоже сошли, перебежали в тот вагон, откуда пришли контролеры и, обосновавшись в тамбуре, закурили.

– Через две остановки – наша станция, – сказал Дэн.

– Какая?

– Можайск.

Борис наморщил лоб, вспоминая:

– Можайск, название известное. А ты бывал в нем?

– Еще нет, – ответил Дэн, – сегодня, надеюсь, осматриваю.

– А если дыра?

– Да не должно быть. Древний город, чуть ли не старше Москвы. Районный центр.

Борис вспыхнул:

– Вот я всю жизнь мечтал в райцентре куражить! Охренительно, слушай!

- Ну езжай в Сочи, в Ялту! – тоже вышел из себя Дэн. – Возьми отпуск и гони на Кипр!
- Не дают мне отпуска. – Борис моментом тускнеет. – Полтора года работаю и больше недели из-за гриппа не отдыхал...
- А чего тогда наезжаешь?! Извини, я не могу тебя на самолете свозить к морю, на золотой пляж. Два часа туда лету, два – обратно. Полтора дня там. Ништяк?
- Тут меня осенило:
- Под Можайском где-то тоже море есть.
- Какое еще море? Ёкнулся, Хрон?
- Ну, наверное, водохранилище просто. Называется Можайское море.
- Борис плюнул на стену тамбура, сунул в плевок окурок. Обидчиво пробормотал:
- Вот сам и купайся там.

3

Но когда оказались на платформе Можайска, настроение Бориса вновь поднялось. Он распахнул кожаную куртку, поднял руки, тряся пустой бутылкой аперитива, и, показывая людям и веселому солнцу застиранную серо-белую джинсовую рубашку, громко объявил:

– О-о, вот и сошел на эту убогую землю коронованный принц Армагеддона!

– Кончай, Мускат, – одернул его Дэн, – а то загребут раньше времени. Вон менты...

Борис послушно опустил руки, оправился, сунул бутылку в урну.

Вслед за основным потоком вышедших из электрички мы оказались на привокзальной площади. За нею, конечно, рынок.

– Пивка для рывка? – спросил Борис.

– Зачем понижать? Лучше еще аперитива.

Меня же снова толкало к водке:

– Смотрите: вы начали с пива, потом портвейн, потом аперитив. Теперь логически – водка.

– Нет, для водки рановато. Вот освоимся, тогда и зальемся.

Взяли бутылку рябины на коньяке. Продолжили двигаться за недавними пассажирами.

После рынка появилась узкая асфальтированная дорожка, а справа и слева – болотистый пустырь. В кювете валяется то ли пьяный, то ли умерший.

– Ну и куда мы идем? – беспокоился Борис.

Дэн не унывал:

– Сейчас найдем центр, а там и все остальное.

Пустырь сменился лесочком, среди которого вкривь и вкось стояли пятиэтажки. Деревья окружали их настолько густо и росли почти у стен, что казалось, коробки домов спустили сверху на вертолете на свободные от тополей и берез пятачки.

– Вот людям ништяк здесь, наверное, – с ухмылкой сказал Дэн. – Летом зазеленеет – и сидят как в погребе. Сейчас вон полутьма, а когда листья...

Я отозвался:

– В Новосибирске, в Академгородке, общаги универа тоже так расположены, но там сосны.

– Во-во, а здесь тополя. Пух полетит – звездац тогда просто.

– Но ведь как-то живут же...

Борис был занят другим:

– Нет, куда мы идем все-таки? Мне в туалет надо.

Шедшие впереди люди растворились. Мы остались одни в лесу, перемешанном с дремлющими жилищами. Прохожих не было. Мы остановились, не зная, куда идти.

– Ну-у, Синяя Дыня, завез! – Борис стал расстегивать брюки. – Поссу сейчас – и обратно...

– Э, кончай меня доставать. Сам же вчера орал: поехали хоть куда из Москвы, в любое место, где есть гостиница и кабаки.

– А ты видишь здесь гостиницу и кабаки? Полный отстой...

Борис не успел сделать дело, из-за деревьев вынырнула женщина.

– Бля-а...

– Вот, как раз спросим.

Женщина туманно объяснила, где центр Можайска:

– Пойдете еще прямо, потом направо. Там два девятиэтажных дома. Вот это и центр.

– Понятно...

Пошли прямо, потом направо. Оказались перед универмагом. Рядом памятник – двое раненых, обессиленных солдат. Прочитали надпись: «Здесь лежат 63 бойца 5-го гвардейского Краснознаменного мотострелкового полка».

Место более-менее оживленное, хотя девятиэтажек мы не обнаружили.

Форсировали улицу Мира и двинулись дальше вперед.

– Весь кураж перегорает, – ныл Борис. – Ну я и лоханулся. Сейчас бы в Москве отоспался до вечера, потом бы к магазину «Людмила» съездил, девочку б снял...

– У тебя так много лишних башлей? – с сарказмом спросил Дэн. – Там штука триста – самые дешевые.

– Наскреб бы как-нибудь. Уж лучше полтос гринов за реальный кайф выложить, чем болтаться неизвестно где, солдатские могилки рассматривать.

Снова оказались на пустыре. На этот раз не болотистом, зато овражистом. И на нем как попало стояли пятиэтажки. Метрах в трехстах друг от друга.

– Вот для маньяков идеальное место, – сказал я, оглядываясь. – В темноте сел у тропинки, дождался одинокую телку – и в овраг.

– Что, Хрон, останешься? – хмыкнул Дэн.

– Я пока не маньяк. Если что, приеду сюда...

В каких-то зарослях помочились, бросили пустую бутылку из-под аперитива. Закурили. От неопределенности нашего положения даже действие алкоголя не чувствовалось. Словно газировку хлебали все утро.

– Какие варианты? – нервно поинтересовался Борис. – Где кабаки, девочки, праздник?

– Вон, – первым заметил я, – девочки сами идут. Жизнь налаживается.

По тропинке в нашу сторону двигались три девушки. Как раз три, как в сказке!

Мы пошли навстречу, строя планы знакомства.

– Сначала спросим про лучшую гостиницу, кабаки. Потом пригласим посидеть...

– Давай ты, Мускат, а то Синь сразу хамить начнет.

– С чего я хамить начну?!

– Видел, как ты с телками общаешься.

– Ну это по пьяни, а сейчас я трезвый, как идиот...

Вот поравнялись, Борис ласковым голосом спросил, где центр города. Одна из девушек махнула рукой куда-то позади себя. Мы разминулись.

– А дальше? – спросил я Бориса разочарованно.

– Да им же лет по пятнадцать всего.

– И что? Само то!

– Я не педобфил в отличие от тебя.

– Блин, еще у Достоевского, там, помнишь, Раскольников с пятилетней...

– Во-первых, не Раскольников, – учительским тоном стал объяснять Борис, – а Свидригайлов. А во-вторых, ему это просто снилось.

Спорить с Борисом о литературе бесполезно – он в ней сечет. Но можно поспорить о другом:

– Сто лет назад это снилось, а теперь должно становиться реальностью. Человечество же прогрессирует, развивается...

Борис подвел итог:

– Вот что делает с человеком семейная жизнь.

– Уже и жрать хочется не на шутку, – мрачным голосом признался Дэн.

Нашли мы девятиэтажки. Стоят две, кажутся намного выше московских. В Москве-то они на каждом шагу, примелькались, а здесь – в натуре вавилонские башни среди окружающей их мелюзги.

Сначала мы, ясно, обрадовались, Борис вновь распахнул куртку и стал кричать о куражах... Но ничего стоящего рядом с девятиэтажками не было. Гастроном, банк, школа, пяток ларьков. Вот и весь центр?..

– Поехали на хрен отсюда, – решил Борис, – пока день не совсем пропал. Вернемся в Москву, забуримся куда-нибудь в клуб. Оторвемся.

– Надоели клубы, да и цены там... – Дэн кисло сморщился, покорно направляясь за Борисом в сторону железной дороги.

Я поплелся следом, теряя последние капли утренней радости. Как мечтал об отъезде, как готовился к ней, спешил сегодня на встречу с ребятами, а оказалось, что все впустую. Просто напоролись на очередной облом. Из таких вот обломов и жизнь состоит. В голове напридумываешь кучу чудесного, сладкого, вроде и легче станет, силы и желание жить появляются, начнешь же реализовывать напридуманное – тут же облом, непробиваемая стена. Вдохнешь, расстроишься и дальше существуешь от надежды до надежды на разноцветную вспышку, на сказочный праздник...

Зашли в магазин. Он маленький и безлюдный. Лишь продавщица и кассирша среди продуктов. Продавщица держит в руках газетку, без выражения, без намека на интерес читает вслух:

– Беседуют муж с женой. «Дорогая, ты мне можешь сказать, когда у тебя бывает оргазм?» – «Но, дорогой, не звонить же мне тебе по этому поводу на работу!»

– Ха-ха, – равнодушно хохотнула кассирша.

– «Жена приходит от гинеколога...» – начинает продавщица озвучивать следующий анекдот.

Изучив сорта колбасы, Дэн перебивает ее:

– Полкило московской взвесьте. Вот этой, полукопченой.

Продавщица положила газетку рядом с весами, недовольно взглянула на Дэна, занялась колбасой.

– Тридцать два рубля. Еще что?

– И полбуханки дарницкого. И порежьте колбасу и хлеб.

– Мы не режем.

– Могу доплатить...

– Да ладно уж, – продавщица взялась за нож. – Всё?

– Нет, три бутылки специального «Очаковского», – добавляет Дэн.

Борис не хочет пить «Очаковку»:

– Возьми мне девятую «Балтику». Немного хоть торкнет...

Собрав пакеты, бутылки и расплатившись, выходим на улицу.

– Сейчас пожрем в электричке...

Вот и вокзал. Полупустая платформа. Мороженщица дремлет под разноцветным зонтиком.

Стенда с расписанием нет. Подходим к будке, где касса.

– Когда ближайшая до Москвы?

– В шестнадцать двадцать четыре, – отвечает женский голос из-за зафанеренного окна.

Дэн смотрит на часы на руке.

– Еще два с лишним часа! Почему так долго?

– Отменены остальные. На дороге ремонт.

– Ёптать!

Отошли от кассы, стали жевать колбасу, пить пиво. Скамейки заняты дремлющими, готовыми к долгому ожиданию электрички людьми.

– Ну и уик-энд! Ну и сказочный раскураж! – горько восклицает Борис, стягивая с колбасного кружочка пленку оболочки. – Со слезами до пенсии вспоминать буду!..

Дэн быстро съел несколько бутербродов, выглотал пиво в позе горниста. Зашвырнул бутылку в кусты и снова подошел к будке.

– Скажите, а в этом... в этом городе гостиница есть? Кафе приличные? Музей, вообще – достопримечательности?

– Да какой у нас музей... Всё в Бородине... Гостиница вроде есть и кафе. А достопримечательности, хе... Рынок – лучшая достопримечательность.

Дэн уцепился за известие, что есть гостиница; видно, хочется ему доказать Борису, что не в полный отстойник он нас завез, что и в Можайске отдохнуть можно.

– А где гостиница, кафе? Мы вот искали-искали. Ни фига ничего...

– На Комсомольской площади были? – спрашивают из будки.

– Нет, кажется.

– Вот там у нас жизнь, говорят. Вся молодежь там вечерами шнуркуется.

– Как, как попасть туда?

Долго и упорно Борис сопротивлялся новой экспедиции к центру Можайска – он уже настроился на Москву, на ночной клуб «Свалка», деньги в уме рассчитал: столько-то пропьет перед входом в клуб, столько-то внутри, столько-то проиграет на бильярде, на автоматах. Дэн же увлеченно стал расписывать почти стопроцентный кураж здесь, скорее всего, дешевый, с изюминкой, что мы в другом городе; возможно – классная отвязка с провинциальными овцами.

Я тоже склонялся остаться. В Москве... Что в Москве делать? В итоге все равно окажусь поздно вечером дома, а это мне никаких радостей не сулит; в лучшем же случае – проторчу до утра в клубе, там еще больше устану и загружусь от сидения за столиком, от музыки, тусни... Даже напиться до полного отруба негде в Москве. Чтоб там хорошо отдохнуть, нужны солидные бабли...

– Давай, Мускат, не ломайся! – уговаривал Дэн Бориса. – Если уж заехали, надо выжать отсюда все возможное. Не рушь праздника!..

– Не вижу я здесь праздника, – ворчал Борис, но все же узнал у кассирши время вечерних электричек. – Ладно, посмотреть можно, что там за жизнь. Если хрень, поеду на шестичасовой. И не позже!

Вышли на привокзальную площадь. Там слева автобусная остановка. Как по заказу стоит потрепанный, кособокий ЛиАЗ. Спрашиваем:

– Этот идет до Комсомольской площади?

– Идет, идет, отсюда все идут, – лениво бубнят из салона.

Дэн расстался с шестью рублями, взамен кондукторша дала три билетика.

Пассажиры шушукаются друг с другом. У многих сумки, пакеты – наверное, из Москвы приехали или здесь на рынке хавчиком запаслись.

– Ну что, долго будем стоять? – нагло поинтересовался у Дэна Борис.

– Мускатыш, все, ты достал! Вали на вокзал, надоело!

– Ладно, не дергайся. – Борис сделал тон шутливым. – Я понимаю тебя как благо, но что-то ощущаю постоянно как зло.

Дэн отвернулся к окну, а Борис переключился на меня:

– Кстати, еще вспомнил из Одинокого!

– Ну? – Я не против разнообразить ожидание отъезда.

Перед тем как декламировать, Борис кашлянул, слегка закатил глаза. В это время в кабину влез водитель, завел мотор...

Пищи сладкой, пищи вкусной
Даруй мне, судьба моя,—
И любой поступок гнусный
Совершу за пищу я.

В сердце чистое нагажу,
Крылья мыслям остригу,
Совершу грабеж и кражу,
Пятки вылижу врагу.
Я свернусь бараньим рогом
И на брюхе поползу...

– Быдлярское, – перебил, повернулся от окна Дэн. – Мускат, ты же, помню, ненавидел быдло больше всего, а теперь...

– Это не быдлярское! – Борис закипятился, голос его стал визгливым и быстрым. – Быдло не пишет таких стихов. Оно вообще молчит, а вякает только в стаде. А эти стихи – откровение индивида! Экзистенциальный кошмар!

– Дерьмовые стихи. – Дэн уперся.

– Зато честные, – сказал я. – Я б тоже такие написать не отказался.

– Ах-ха-ха! – захлебнулся Дэн в хохоте. – Вот Хронышу как раз они подходят! У него как раз об этом все мысли: выжрать, пожрать и свалиться.

– Ну уж ты у нас интеллигент чистоганный!..

Автобус вроде только начал свой рейс и уже, заметили, оказался среди полей.

– Э, а когда Комсомольская площадь? – забеспокоился Дэн.

– Уж проехали, – ответила одна из пассажирок.

– Да что за непруха!..

Мы тут же рванули к выходу, стали жать на кнопку, что в панели над дверью. Водитель не реагировал, гнал автобус под гору, прочь из Можайска черт знает куда.

– Скажите там, чтоб остановил! – заорал я кондукторше.

Та спокойно ответила:

– Сейчас остановка будет, выйдете.

– С твоими приколами, Мускатыш, вечно в дерьмо вляпываешься, – пробурчал Дэн, когда мы оказались на свободе.

– Да кто б вякал! Кто нас вообще сюда затащил!..

– Да иди ты в жопу, урод!

– Ладно, хорош, – как мог, стал тушить я их перебранку, – пошли, до праздника недалеко.

Гуськом, между проезжей частью и кюветом, двинулись обратно к Можайску. Навстречу нам то и дело проносились на бешеной скорости самосвалы КамАЗы.

– Суки, еще собьют, – жался ближе к кювету Борис; его, видимо, все еще жгла дэновская фраза, что этот Одинокий – быдлярский поэт, и Борис продолжил доказывать обратное: – Он в десятые годы одним из самых модных был, писал стихи крайне эстетские. Ну муру по большому счету... А потом понял... Это же, это крик человека, до предела уставшего от нищеты. От тотальной нищеты! Все в ней пребывают, только большинство скрывает ее, брыкается, пытается закормить ее хренью духовных ценностей, а единицы честно говорят... Одинокий сказал вот, один из немногих взял и сказал. Крикнул, показал свои язвы, которые есть у всех. Но все их гримируют, прячут под одежкой...

– А ты гримируешь? – спрашивает Дэн.

Борис вздыхает:

– Приходится... Мой идеал – анархия, голый индивид на голой земле, но это несбыточно. Все мы рабы государства, пешки... Вот я. Я получаю в месяц три с половиной штуки. Если бы не снимал квартиру, было б вообще неплохо. Но какой ценой я имею эти три с половиной штуки?.. Каждый день я вынужден сидеть и рассказывать всем подряд, петь о красотах Египта, Кипра, где сам никогда не был. Я выучил все курорты, отели, знаю, где как кормят, где какой вид из окна. Я должен стараться изо всех сил, чтобы клиент раскошелится. И как бы я

ни старался, лишь один из пяти клюет и выкладывает башли, а четверо послушают и уходят. За день бывает человек двадцать... И перед всеми я распинаюсь, всем улыбаюсь... И так везде, на любой работе. Любой человек торгует собой, стремится продаться дороже... Как раз как у Одинокого:

Все на месте, все за делом,
И торгует всяк собой:
Проститутка – статным телом,
Я – талантом и душой.

Дэн снова подкалывает:

– Да какой у тебя талант? Все потерял.

– Ха! А думаешь, легко человека развести на полштуки баксов?! Знаешь, как надо расстилаться, чтоб он согласился? – Замолчав на минуту, пропуская ревуший самосвал, Борис опять перешел на тему быдла: – А быдло... Рабочие, вот это быдло. Они мне всегда напоминают алкашей, которые по пьяни отморозили пальцы себе, стали инвалидами и злятся. Так же и эти: мозгов ни на что не хватает больше, чем работать физически, а еще и вякают: условия нам создавайте, денег давайте больше. А пойти туда, где нормально платят, но мозгами надо шевелить, – на это как раз у них мозгов-то и нет. Тогда вот пусть и не вякают...

– Как бы ты без них жил? – спрашиваю. – Они же все материальное производят, кормят тебя, говно твое убирают.

– Да пускай существуют, пускай! Но нельзя их допускать до состояния морлоков... Помните, у Уэллса?.. Не хочешь на заводе пахать – мотай в другое место, а не можешь мотать – рот закрой... Вот моя позиция.

Дорога пошла в гору, говорить стало трудно. Борис заткнулся.

4

Воздух посвежел, солнце сбавляло свою активность, когда мы в конце концов закончили поиски центра Можайска и могли приступить к отдыху.

– Прикиньте, поистине центр! – с ироническим изумлением воскликнул Дэн. – Тут тебе и гостиница, и Дом культуры, и всевозможные кабаки, и памятники, и тюрьма вот, и церковь. Все под боком. Из церкви в кабак, из кабака в тюрьму...

– У нас в Минусинске тоже почти все в центре. Ну кроме тюрьмы, – вспомнил я.

Первым делом решили проверить, как тут с гражданской выпивкой. Не пить пока, а просто ознакомиться.

Комсомольская площадь – довольно живописное место, если бы не тюрьма с краю и какая-то то ли стройка, то ли заводик за забором из железобетонных плит, откуда поминутно выезжали КамАЗы...

Окружавшие площадь здания в основном невысокие, этажа два-три, каменные, по возрасту – времен Обломова. Среди них кое-где свежие кафе, бары, круглосуточные магазины.

Нам приглянулся бар «Бородино», уютный и недорогой. Борис собрался было выпить наконец-то водочки, но Дэн таинственно предупредил:

– У меня есть лучший вариант, чем батл «Кристалла». Пойдем в спокойное место.

Чуть в стороне от площади – церковь. Не особенно грандиозная, но все-таки притягивающая к себе... Шагали к ней под непрерывные вопросы Бориса:

– Синь, что у тебя есть? А? Да погоди ты, затрахал!.. Зачем мы туда премся? Ты можешь ответить, скотина?! Ну, Синь?..

В ответ тот упорно молчал.

Прочитали табличку возле ворот: «Ново-Никольский собор. Возведен в 1779–1812 годах».

– Хе! – я усмехнулся. – Тридцать с лишним лет строили!

Вместо купола у собора шпиль, вроде как на Петропавловке в Питере.

Дэн перекрестился в воротах и пошел дальше.

– Слушай, с меня хватит! – потерял терпение Борис. – Еще по таким местам не хватало шлondаться! Я и в Москве даже в Василии Блаженном не был... Надо тебе грехи замаливать, так зачем нас таскать за собой?!

– Ладно, Мускат, не гунди. Вон, смотрите, за собором что, – Дэн махнул рукой, – вид охренительный. И людей никого. Пошли, говорю.

Вообще-то, я согласен с Борисом в данном случае. На

фиг сюда-то забурились? Посидели бы в «Бородине», оттуда, приняв по сто грамм, – устраиваться в гостиницу.

Но Дэн вел себя так странно, будто тащил нас к какому-то кладу. И я двинулся за ним; если он задумал фигню или издевается просто, ему же хуже – мы с Борисом отомстим стопроцентно.

Собор кажется заброшенным. Дверь на здоровенном замке, окна защищены решеткой и жучками сигнализации. Людей поблизости ни души. Правда, рядом с собором еще здание, типа, еще одна церковь. И в ней боковая дверца открыта. Хоть и не похоже, что служба там, слишком тихо.

– Ну, Синь, ты так запарил! – ругался Борис, плетясь сзади. – Полгода с тобой не куражил, и еще бы не надо было... Крайний дебил!..

Дэн молчит, улыбается таинственно и самодовольно: поной, дескать, поной... Что-то скрывает он явно.

Расположен собор красиво, спору нет. На самой кромке крутого склона. Внизу, метрах в пятидесяти, одноэтажные домики, огороды; дальше – перелески, поля серо-желтые, пока неживые. Еще дальше – речка какая-то, полузамерзшая, по берегам белеет лед. За речкой снова поля, холмики, роши...

Не помню, когда в последний раз видел такое приволье, чтобы горизонт был далеко-далеко, взгляд не упирался в близкий лабиринт зданий, в деревья зеленой зоны, зажатой кишачи-ми машинами и людьми городом... Даже в Коломенском совсем не так.

– Ну и что? – Борис первым подает голос. – Будем теперь стоять и любоваться до поне-дельника?

– Тут как раз перекурить приятно. – И Дэн присел на остатки кирпичного столба от снесенной церковной ограды.

– Да, перекурим, – согласился я. – А потом надо в гостиницу все-таки.

Борис, расстроенно кряхтя, опустил на корточки:

– Ох, кретины, кретины...

Я закурил «Союз Аполлон», Борис – «Бонд». А Дэн достал из бокового кармашка сумки помятую пачку «Беломора».

Наступал вечер, солнце висело на краю неба. Земля теряла свои небогатые апрельские краски до следующего утра. Зато на рассвете солнце увидит их больше, этих красок, с каждым часом они все ярче, сочнее, богаче. А пока, пока холодало, но холод уже не мертвый, не злой, а скорее освежающий землю после почти жаркого дня.

– Вот и зима кончилась, – лирически вздыхаю я. – Ничего не случилось... Когда-то зимой самое время у меня было рабочее, каждый день красил, рисунков делал штук по пять. А теперь как-то...

– И на хрена ж ты молчал?! – вскрик Бориса; в голосе обида, недоумение. – Целый день пойлом травилась, когда у тебя такой колобок! У тебя мозги есть, а?

Точно, у Дэна в руках был баш плана граммов на пять. Этого на неделю хватит, чтоб нам троим в себя не возвращаться, точнее – из себя не выходить, не распыляться в окружающем хаосе... И Дэн только сейчас раскрылся – целый день в кармане таскал. А теперь вот сидел себе на пенке кирпичном спокойненько и срезал с баша ножом коричнево-зеленую стружку.

– А где б мы стали курить? – отвечает. – На платформе, в электричке? Вот самое достой-ное место. На думки в пять сек пробьет.

– Нет, Дэнвер, ты глумишься просто, с утра глумишься, – уже миролюбивее ворчал Борис и совсем уже изменившимся тоном, жадной скороговоркой засыпал Дэна вопросами: – А где брал? Почему? Как торкает? Сколько здесь грамм?

Меня же укуриваться не тянет сейчас ни капли. Каждому кайфу, я считаю, свои условия необходимы.

Сейчас, сейчас мне хотелось водки. Снять номер в гостинице, пойти в «Бородино» и жак-нуть там как следует. А потом – как-нибудь повеселиться.

Борис подсел рядом с Дэном, наблюдал, как тот не спеша, с любовью, забивает косяк.

– Эх, зря ты не сказал раньше, – досадует. – Я б купил поллитровку пепси. Через буты-лочку-то целенаправленной.

– Тебе и так не покажется мало, – хмыкнул Дэн.

Косяк готов. Дэн проглаживает его пальцами, тщательно раскуривает. Сделал пару глу-боких тяжек, передал Борису. Тот сосет шумно, чмокая, как печка с открытой настежь заслон-кой. Наполнив грудь до отказа, закатывает блаженно глаза... Теперь моя очередь.

Гашиш мягкий, без горлодера, но, сразу чувствую, сильный. Дым горячей змейкой впол-зает в меня.

Сделали по хапке, потом Дэн дунул нам с Борисом по паровозику, Борис – Дэну. Еще раз прошлись по кругу паровозиком. Теперь от косяка почти ничего не осталось. Добиваем его мелкими затяжками.

– Что, Хрон, слабо так принимаешь? – спросил Дэн после второго па́рика.

А в меня действительно что-то дыма входит всего ничего. Даже обидно.

– Испортил, наверное, легкие «Примой», – отвечаю, выдохнув отработанный кумар из груди. – Иногда просто и дышать тяжело, как будто перегородка там.

Дэн без особого сочувствия покачал головой:

– Хоронить, значит, скоро будем. Ты жене скажи, чтоб на поминки пригласила.

– Скажу...

– Да он на фильтровые перешел, – кивнул Борис на лежащую рядом со мной пачку «Союз Аполлон».

– Да это так, – признаюсь, – ради праздника. Дороговаты для каждого дня.

– А сколько у тебя в среднем выходит в месяц?

Слегка привираю:

– Гм... две штуки выходит... две триста иногда. Смотря сколько точек обойду да как товар в целом реализовывается.

По правде-то получается, у меня зарплата за месяц тысяча шестьсот – тысяча восемьсот. Двух еще не было.

– Нормально, – пожимает плечами Дэн, – а все, свинья, бедным прикидываешься.

– Семья, – говорю, – квартиру снимаем.

Гашиш начинает действовать. Голова становится легкой и чистой; каждая извилина мозга на месте. Тело размягчается, оно, кажется, вот-вот растечется по земле и в то же время может взлететь, как воздушный шар... Борис прилег на траву на склоне, положил руки под голову. Смотрит вдаль, протяжно, сладковато вздыхает:

– Да-а, как писал Ван Гог: «Семья сжирает любые деньги»... Дите-то растет?

– Растет, что ему... Хотя и вижу его по вечерам и в выходные, но мозги успевает высушить... Нет, конечно, и радость доставляет...

– Погоди, подрастет, тогда и устроит тебе истинный Армагеддон.

– Вполне может быть...

Минут пять молчим. Каждый в себе, в своих мыслях. Да и природа подталкивает задуматься.

Тихо так, непривычно тихо. В Москве так и по ночам не бывает, там вечно гул, суета, завывание. Уши привыкли к шуму, им сейчас его не хватает, и в них звенит. Они в этой тишине напряжены сильнее, чем при грохоте, с готовностью хватают любой шорох...

– Красиво, да? – спрашивает Борис.

– Ничего пейзажик.

– А что там за речка?

– Море, – уверенно, с показной серьезностью объявляет Дэн. – Помнишь, Хрон на вокзале про Можайское море гнал. Так вот оно.

Борис не засмеялся, а досадливо сморщился:

– Вот жизнь, бя... Проживешь и моря настоящего не увидишь. Сколько раз собирался съездить в Ялту или в Сочи куда-нибудь, когда возможность была, а теперь... Полтора года без отпуска. И работу не поменяешь, везде прописка нужна.

– А ты без прописки сейчас?

– Ну. Устраивался, была регистрация, но теперь давно просрочена. Вот ожидаю, вдруг проверка – сразу же выпрут. Знаю одну контору, регистрируют, только надо полторы штуки отдать за полгода.

– Что делать, – издевается Дэн, – домой поедешь.

– Хрен на рыло! – Борис сел, резко показал нам средний палец. – Я в прошлом году побывал, смотался в свой Саратов на выходные. Мрак там... Два дня еле выдержал... Если б жил там постоянно – дело одно, а так... Я же до Суриковки в банке работал, кончил три курса финансовой академии, да вот крышу снесло, решил, что художник. Академию бросил, из банка уволился, все связи порвал. Куда там теперь? Все ниши заняты... Может, конечно, ребята пристроят, а может, и пошлют просто...

– Я тоже, – говорю, – думал, что без живописи жить не смогу. С десяти лет серьезно занимался, каждый день. В Москву приехал с таким багажом. Десять холстов приволок!

– Помню, помню, – усмехается Борис. – Развесил в комнате в общежитии, думал, все охренеют.

– Да и скажи, не хренели? – Мне становится слегка обидно от Борисовой усмешки. – Ходили как в музей поначалу. Потом уже я сам стал разочаровываться.

– А на меня вы тогда как смотрели! – подключается к воспоминаниям Дэн. – Дескать, левый среди гениев. А оказалось, все левые. Я просто с самого начала знал, что все это шняга, а вы только после диплома...

Борис перебивает:

– В живописи можно добиться чего-то серьезного лишь когда в натуре одной ею живешь. Все остальное как фон чтобы, как придаточное. А если еще и жить хотеть по-человечески более-менее, то живопись сразу... – Борис отмахивается. – Выбирать надо: или искусство, или жизнь.

– Да вообще, – говорю, – почти все гении сифилисом болели. Доказано, что при запущенном сифилисе мозг начинает иначе работать. Вот хотя бы Ницше, тот же Ван Гог, Бодлер, Гоген, Ленин, Блок...

– Зато кончается это параличом и кретинизмом, – усмехается Дэн.

А Борис мечтательно вздыхает:

– Лучше сорок лет гением прожить, чем шестьдесят кое-как.

На дне склона начали горланить петухи один за другим.

– Кур спать ссывают, – говорю.

– Может, еще косячок? – Борис поворачивается к Дэну. – Только-только цепануло вроде – и отпускает.

– Давайте сначала дела устроим с гостиницей, тогда и раскуримся уж как следует.

Я согласен с Дэном. Первым поднимаюсь.

– Вдруг, – говорю, – там номеров нет свободных. Придется думать.

– Да с чего их нет? Кому этот Мухосранск нужен... – Борис тоже встает на ноги, но нехотя, с кислой миной. – Одни мы, как придурки, приперлись. Туристы.

– А что, скажи, здесь плохо?

Снова начинаются препирательства между Борисом и Дэном. Борис вспомнил, что сегодня по телевизору «Секретные материалы», и готов всерьез расстроиться...

Оказалось, в той церквушке, что рядом с Ново-Никольским собором, находится музей. Историко-краеведческий.

Конечно, долго спорили: зайти или нет. Зашли в конце концов. Времени еще всего-то без пятнадцати шесть.

– Вы точно меня затрахать решили, – бормочет Борис. – Какой еще музей, к чертям собачьим!..

После гаша тяжесть в теле. И в голове особенно. Кажется, нечто мягкое, но сильное давит со всех сторон. Приходится ежесекундно сопротивляться давлению, приподнимая ноги для ходьбы, помахивая руками, крутя головой. Но если ногу приподнял, крутнул головой, то боишься, что переборщишь, не рассчитаешь и нога дернется слишком высоко, голова провернется на сто тридцать градусов.

От приятной лени, которая была в нас двадцать минут назад, когда беседовали на склоне холма, и следа не осталось.

– Синь, да почехлили в гостиницу, завтра успеем сюда, – просит Борис, но Дэн не обращает внимания, идет в музей, как баран упрямый.

– Вы к нам? – На пороге очкастая, полная женщина; лицо испуганное, словно мы пришли ее грабить.

– Добрый вечер, – отвечает миролюбиво Дэн. – Музей функционирует?

– А?.. Работает музей, работает.

– Можно ознакомиться?

Женщина долго ищет сначала билеты, потом ножницы, чтоб отрезать нам от общей пачки три штуки. Потом оказывается, что дверь в экспозицию заперта. Находит ключи, отпирает дверь.

– Пожалуйста, проходите.

Музей состоит из одного зала. Раньше, наверное, здесь отпевали почивших можайских мещан, а теперь приспособили под выставку всякой исторической всячины.

Мы не спеша, молча бродим вдоль стендов, осматриваем лежащие и висящие за стеклом экспонаты... Источенные ржавчиной гвозди, топоры, долото «XVIII – нач. XIX в.»; парковая скульптура «Вакханка» с отбитым носом; «Морской пейзаж» неизвестного художника середины прошлого века и современный портрет Льва Толстого «Первые страницы о Бородине», где у великого писателя лицо молящегося баптиста... Самовары, прялка, макет домика Жуковского. Осколки изразцов из Можайского кремля... Короче говоря, все вперемешку, со столетия по нитке, по гвоздику.

Вижу, Дэн скривился недоуменно. Борис откровенно скучает. Мне тоже заинтересоваться нечем, а недоумевать лень. Мысленно превращаю истраченные шесть рубликов на этот псевдомузей в аппетитный хот-дог с кетчупом и горчицей... Да, жутко хочется есть. Это уж как водится, когда гаш отпускает.

– Херня какая-то, – бормочет Дэн, еще раз обводя зальчик изумленными глазами.

Борис точно бы только и ждал таких слов, мгновенно подает голос:

– Что, Синька, посмотрелся? Доволен? Вот всегда так, сначала меня не слушаете, а потом...

Но Дэн и на этот раз его не слушает, быстро выходит вон. Спрашивает с обидой женщину:

– Это и весь музей?

– Да, – бесцветно отвечает та, – вся экспозиция.

– Ну и ну! Такого я еще не видел. Пять гвоздей, две картинки, обломок статуи...

Борис за его спиной иронично хмыкает:

– В этом есть свой шарм, кстати.

Музейный работник начинает нервничать, поправляет очки. Смотрит на нас воинственно.

– Еще и билет – два рубля! – продолжает негодовать Дэн. – И не стыдно... У вас же город чуть не древнее Москвы! Мож-жайск!..

– Все ценные экспонаты в двенадцати километрах отсюда, – наконец не выдерживает женщина, – в Бородине! Здесь музей вообще не положен. Районный центр. И так на энтузиазме, как филиал бородинского...

Тут и меня дернуло встрять. Объявляю:

– В Сибири у нас, тоже в райцентрах, такие музеи! В Минусинске, в Шушенском, даже в Туране занюханном. Просто привыкли все на Бородино сваливать. А у вас же такой город, действительно: и французы, и немцы, и татаро-монгольское иго...

– Э, – отмахивается Борис, – это уже сказки. Не было никаких монголо-татар.

– Как это не было?

– Да так, по новейшим исследованиям. Это просто русские князьки друг с другом цапались, а потом на татар все свалили. Батый, например, князьком был. – Голос у Бориса серьезный, он явно не стебается; даже и ответить ему нечего. – Читали труды Фоменко и Носовского? «Русь и Рим», «Империя», «Новая хронология Греции»? Там доказано с математической точностью, что вся общепринятая хронология – блеф полнейший. До пятнадцатого века вообще все было не так. До книгопечатания... Иисус Христос, например, жил не в первом веке, а в девятом веке истинной хронологии, которую потом похерили.

– Ладно, кончай, Мускат, – потянул его за рукав Дэн. – Пора в гостиницу, а потом бухать. Но Бориса не остановить. Увлеченно втягивает нам какую-то свежее испеченную хрень.

– Не было ни Македонского, ни Чингисхана, ни Тамерлана. Точнее, был кто-то один, а потом, в эпоху так называемого Возрождения, это все рассортировали, поделили. Осада Трои и завоевание крестоносцами Константинополя – тоже одно событие! Понимаете? Во всем фальсификация!..

– Я не понимаю, – внятно сознается музейный работник. – И Наполеона тоже не было?

Борис вздыхает:

– Наполеон-то был. Нес культуру для Европы, дух великой Франции, а его на остров к неграм.

– Пошли, – снова тянет его к выходу Дэн, – надо бухать. Курнем, Мускат...

Борис уже было направился к выходу, но тут женщина, раскачавшись для спора, чуть не вскрикнула:

– А как же сероводородный анализ?! Да есть масса способов определить возраст археологических находок.

– Фигня эти анализы просто-напросто, – Борис презрительно морщится. – Сделайте анализ вот этому стулу, получится разброс в тысячу лет. Смешно доверять анализам. – И он, вспомнив интересное, вновь бешено заверещал: – Уже доказано, что все труды античных авторов – ну, там, Аристотеля, Гомера, Платона – были написаны в эпоху Возрождения. Петрарка был в Риме, когда ни Колизея, ни всех этих дворцов еще не было, они только строились. Он сам выдумал легенду, что Рим был великим городом, а по правде это наступило как раз при жизни Петрарки. И такие факты на каждом шагу...

Никто речь Бориса, вижу, всерьез не принимает. Я – тем более. Стою и хмыкаю. Женщина занялась наведением порядка на столе... И, отчаявшись нас убедить, Борис плюется, выбегает из церквушки-музейчика.

– Книжки надо читать настоящие, следить за наукой! – повизгивает. – Еще Ньютон об этом писал хрен знает когда, и до сих пор приходится доказывать!.. Им дали сказочку, а они пятьсот лет в нее верят!

...Гостиница, конечно, убогая. На желающих в ней пожить смотрят как на инопланетян. Да и кто здесь что забыл, в этом беспонтовом городишке...

С большими проволочками нас оформили на сутки и запустили в трехместный номер.

– Ну ничего, – оглядывая его, оценил Борис, – почти как в общежитии. Клопов, надеюсь, нет. Я хмыкнул:

– Какая же гостиница в русской провинции без клопов...

Пожилая унылая горничная принесла белье. Сунула все три комплекта в руки Дэна.

– За семьдесят рублей можно бы и застелить, – пробурчал тот.

Горничная стала еще унылей, ответила кое-как:

– Сейчас ключ принесу. – Вышла.

– Это тебе, Синь, не «Измайлово», – объяснил Борис, понюхал простыню. – Пять лет в шкафу лежало – пылью пропахло.

Помаялись в номере, не зная, что делать. Наполнили графин водой, выпили по стакану. И как только горничная выдала нам ключи, отправились совершать то, зачем забрались в этот Можайск.

5

– Кур-раж-мураж! – провозгласил Борис, заведя на противоположной стороне площади «Бородино». – О, как долго я ждал!

Уже почти стемнело, КамАЗы перестали выскакивать из ворот предприятия или стройки. По тротуарам и прямо по проезжей части не спеша шли люди. Видимо, с наступлением вечера и здесь принято отдыхать.

– Сейчас выпьем по паре стопок, и надо мутить овец, – планирует Дэн, закуривая свой «Пэлл Мэлл».

– А может, лучше по гашу? – Борис вдруг приостанавливается и задерживает Дэна. – Что такое водка, когда гаш есть. И бабы на него лучше клюют...

– На овец гаш изводить?! – возмущается Дэн. – У тебя мозги есть, идиот?

Мне не очень-то в кайф идея Бориса, я уже твердо настроен как следует долбануть. Говорю торопливо и твердо:

– Нет, только водку! Какое веселье от гаша? Воткнется каждый в себя и будет сидеть грузиться. Давайте нажремся, повеселимся!

– Видишь, Мускат, – Дэн пожимает плечами, – Хрон против... Да и надо было тогда уж в номере закумарить. Где здесь-то?..

Борис прямо извивается, понятно, курнуть ему с каждой минутой хочется все сильнее и сильнее. Чуть ли не визжит:

– Да Хрон и есть Хрон, ему лишь бы залиться! Сейчас купим бутылочку колы, пойдем на то место, где склон. Вытянем по две точки – и самый ништяк! – И тормозит, насаждает на Дэна. – Давай!..

– Я укуриваться однозначно сегодня не буду, – заявляю, видя, что Дэн колеблется. – Завтра с утра – другое дело.

Спорим жаростно. В основном я с Борисом. Дэн же помалкивает, потягивает свой «Пэлл Мэлл». Наконец устает слушать нас:

– Короче, так: заваливаем в «Бородино», пьем по сто пятьдесят, ужинаем как следует и снимаем овец. А там разберемся, пить дальше или курить.

– Ну я же так не могу, – морщится Борис. – Если уж глотну водки, меня понесет.

– И хорошо, и хорошо! – я радуюсь. – А утром гашем похмельненься как раз.

Чтоб не мелочиться, Дэн с ходу заказывает пузырь «Праздничной» за пятьдесят рублей, каждому по салатику. Выпив по первой, изучаем меню.

– Гля, даже бифштексы у них есть! Попробуем?

– Жесткие стопроцентно. Последние зубы в них оставишь...

Заказываю тефтели с картофельным пюре, Дэн – бифштекс и рис, а Борис пельмени с кетчупом и вдобавок бутылку кока-колы.

– Вам разлить в бокалы? – осведомляется бармен тихим, но внятным голосом.

– Нет, нет, мы сами! – Борис хватается бутылку, и я вижу, что ему не терпится опустошить ее, прожечь в боковине отверстие и, напустив внутрь гашишного дыма, засосать в себя.

– Ну ты наркот, Мускатыш! – говорю ему.

– Угу, наркот... Уже забыл, когда укуривался. Кокс с героин легче купить, чем гашиш. А как без него? Вся мудрость Востока, да и Запада, последние два века была порождена гашем...

В баре полутемно, столики пусты, кроме одного, где бесшумно наслаждается каким-то вином и друг другом влюбленная парочка.

Под потолком висит телевизор, крутя клип старого, заигранного хита группы «Кренберрис».

– Вот правильная песня, – говорит Борис.

– О чем?

– О зомби. Что человек к двадцати пяти превращается в полного зомби. По юности трепыхаешься, а потом... – И Борис подпевает коротко стриженной, страшноватой девушке на экране: – Им ё хэд, им ё хэд, зомби, зомби...

Распили бутылку, взяли еще по сто грамм.

– Теперь пора овец, – отодвигая пустую посуду, объявляет Дэн.

– Это обязательно!

Встаем, выходим на улицу. Борис поигрывает бутылочкой из-под колы.

– Выкинь, – прошу его. – Ты с ней как бомж конченный.

– Чего?! Ты на себя посмотри, поскоть болотная!

– Я пустые батлы не таскаю.

– Заткнитесь, мудилы! – Дэн одновременно пихает нас обоих. – Вон, глядите вперед.

Там вышагивают две неплохие вроде бы девушки. Фигуры, по крайней мере, что надо.

– Подгребаем?

– Их две всего...

– А сколько надо? Хрон и сам с собой покуражит. Купим ему водяры, пускай в холле заливается.

– Слушай, Мускатина!.. – Борис меня всерьез бесить начинает.

– Ладно, прибавляем газу. – На ходу Дэн оправляется как петух, намерившийся курицу потоптать.

Девушки идут медленно. Мы без особого труда их нагнали.

– Добрый вечер! – улыбается Дэн, заглядывая им в лица.

Я тоже успеваю оценить. Одна, слева, чернявая, ничего, мягко говоря. Я не против... Правда, выше меня на полголовы, но это даже к лучшему, женщину такого роста мне поиметь еще не доводилось.

– Отдохнуть не хотите, девчата? – Дэн завязывает разговор.

– Мы и так отдыхаем.

– Ну поинтересней. В баре вон посидеть, выпить винишка хорошего...

– Соглашайтесь, чего вы! – вставляет Борис. – Гарантируем ослепительную ночь!

– Мы как-нибудь так, – говорит та, что справа, светловолосая и страшненькая; лучше б ее вообще не было.

– Вместе-то интересней, – Дэн подмигивает симпатичной. – А?

Которая справа – морщится:

– Отвалите, парни. У нас тут везде знакомые, так что лучше...

– Ну мы ж по-хорошему.

– Мы тоже...

Останавливаемся, овцы не спеша удаляются по тротуару. На меня вдруг накатывает жуткая злоба.

– Сиповки, блядь! Твари, – говорю им вслед довольно громко.

– Э, – пихает меня Дэн, – кончай. Сейчас в натуре приведут своих гопников...

– А что, я подраться не против.

Борис пугается:

– Иди ты на хрен! Мне рожа для работы нужна... – И видя, что никакие гопники к нам не бегут, снова принимает отвязный вид. – Ну, где оглушительный праздник, афинские ночи?!

– Надо так, – вспоминаю. – Я когда в армейке в увал ходил, в Петрозаводске, так там ленинградцы телок снимали запросто: покажут штамп в военнике, что они из Питера и что, мол, иметь будут в виду насчет жениться, если понравится...

– И как, получалось?

– Еще бы! Клевала каждая третья!

Ну это уж я сочиняю. Видел, что показывали запись о приписке, но велись ли телки на это дело – не знаю.

– Во, у Синьки как раз подходит, – смеется радостно Борис, – регистрация постоянная, холостой. Давай, Синь, начинай.

– Отвали... Лучше в «Трактирь» зайдем. Пора еще накатить.

С девчонками так и не выгорело. Не соглашались посидеть с нами за столиком, даже на вопросы не отвечали... Дэн, потеряв терпение, предложил одной бумажку в двадцать долларов, она убежала без оглядки.

– А ящик посмотришь – везде проституция, везде чуть ли не за кусок колбасы согласны на всё, – ругался Дэн, открывая очередную бутылку «Праздничной». – Тут смотрел какую-то передачу, так там показывали, что Подмосковье просто с голоду пухнет. Вот, пожалуйста, сто десять камушков от Москвы – и ничего, терпимо вроде живут...

– По какому каналу передача? – спросил Борис.

– Да какая разница...

– Да огромная! Если по Первому – одно дело, если по НТВ – другое. Везде проплаченные материалы, у каждого свой хозяин.

Дэн скривил рожу и махнул рукой. Потом налил почти по полному пластиковому стаканчику и первым, без тоста и чоканья, выпил.

Мы уже хороши, но злы и обмануты в своих надеждах. Все совсем не так. И еще ночь словно дразнит, теплая, нежная; слегка тянет ароматный, какой-то парной ветерок. В такую ночь, кажется, любые желания исполняться должны.

– М-да, надо было все-таки в Москве оставаться, – признается Дэн. – У меня у дружка мастерская есть, обставлена почти как хата. Он там живет почти постоянно...

– Забухали б, – вздыхаю, – со всеми удобствами!

– И забухали бы, и шлюху бы сняли, к нему привезли. У меня полтос баксов есть, Мускат бы дал кое-что.

– На это ясно дал бы, – уверенно подтверждает Борис. – Вот, не слушали меня, а могли б такую ночь провести! – И он начинает мечтать: – Возле магазина «Людмила» такие экземпляры есть, просто супер! Я на днях снимал. Одна мне вообще понравилась, дорогая только: семьдесят грин – и ни цента меньше. Я в машине сажу, все башли собрал из карманов. Не хватает какой-то сотни нашими. Думал у водилы занять...

– Он бы тебе занял, ха-ха, по хлебальничку!

Борис не слышит подкола, с грустью продолжает:

– Пришлось другую взять, попроще, за штуку триста. Но... но когда с этой перся, о той думал все время. И сейчас думаю...

– Попал, Мускат! – Дэн с силой хлопает его по спине. – Женись на путане. Это в стиле русского интеллигента!

Меня интересуют другие вопросы.

– И ты что, в свой Реутов ее отвез? – спрашиваю. – На тачке?

– Ну а куда еще? У меня в Москве, кроме вас, особых знакомых нет. Тем более с подходящей хатой.

– У меня тоже, – говорю.

А Дэн издевается:

– Ой, какие бедные, сиротки!.. – Но видно, и он не слишком друзьями облеплен.

Еще с полчаса прошлондались в районе площади, тусанули на каком-то подобии бульвара, где не обнаружили почему-то ни одной скамейки. Пытались снова подкатить к нескольким девушкам, но все тщетно. Никто не соглашался, овцы шарахались от нас, как от заразных. Даже паспорт Дэна с постоянной московской регистрацией не действовал.

Когда в ноль часов бары закрылись, решили вернуться в гостиницу. Тем более и на ногах уже мы держались нетвердо.

– Да-а, – ворчал Борис, – куражну-ули. Полгода мечтал о таком веселье.

– Что ж, теперь будем знать...

– Давай хоть курнем напоследок. А? – Борис потряс бутылкой из-под колы.

– Чтобы башню сорвало?

– Пускай срывает, хоть будет что вспомнить...

Я, хмыкнув, добавил:

– ...в коматозе.

– Настоящий россиянин всегда должен быть в коме! – воскликнул Борис, пытаясь вернуть себе бодрость и ощущение тотального куража; даже стихами заговорил:

Последний пятак на прилавок!

Гуляй, не кручинься, душа!

Немало проиграно ставок,

А жизнь в кураже хороша!

Борис продолжал вымученно веселиться, Дэн же заскучал, одну за другой курил сигареты, равнодушно поглядывал на городок, не пожелавший принять нас для проведения праздника. Мне просто хотелось добраться скорей до кровати; этот день вымотал круче работы, гашиш и питье с перерывами сожгли всю энергию. Теперь сил осталось, только чтоб рухнуть и спать.

– Вот мы и дома, – выставив на стол недопитую бутылку водки, безнадежно вздохнул Дэн.

– Драл я такой дом во все щели, – Борис со стоном развалился на кровати. – Даже телика нет. Горничная – старая уродка. В «Измайлове» знаете какие горничные?.. Эх, ну и жизнёнка мне досталась...

– Вставай, Мускат, залейся.

Через силу выпили по пятьдесят грамм. Водка уже не лезла, опускалась в желудок холодным камнем, не принося ни радости, ни отруба.

Я стал кое-как застилать свое лежбище. Борис валялся поверх покрывала, смотрел в потолок, постукивая себя по лбу пустой кока-кольной поллитровкой.

– Ну что, – глухо произнес Дэн, – если с телками не получилось, придется идти другим путем.

И стал очень внимательно смотреть на меня. А потом пошел. Борис хмыкнул, поднялся с кровати.

Хватаю со стола бутылку и хлопаю о край стола. Она взрывается, как граната, брызгая стеклом и водкой. В моей руке остается лишь горлышко.

– Назад! – рычу. – Назад, подонки!

И делаю выпад, метя Дэну в живот. Дэн отскакивает, рожа у него стала серьезной.

– Э, хорош, мы пошутили...

Но теперь у меня одно желание – всадить розочку в кого-нибудь из них. Уже предчувствую, как будет рваться их одежонка, захрустит кожа, как острые лезвия войдут в мясо. Такой азарт появился...

Гоняюсь за ними по маленькой комнате. Дэн с Борисом скачут через кровати, вокруг стола, бросают в меня стульями, постельным бельем... Приторно и сладковато пахнет свежей, невыдохшейся водкой. Скоро запахнет и теплой кровью.

– Ну ладно, слышь, завязывай! – кричит Дэн, перескакивая с одной кровати на другую; вот-вот он споткнется, упадет и получит в шею пару прицельных ударов. Тогда я, может быть, завяжу.

Борис заперся в туалете. Хитрит, сволочь. Ну, ничего, разберусь с Синьей, настанет и его черед.

– Дошутились, падлы, – запыхавшись, но не отступая, говорю. – Конец вам.

– Я тебя поил, свинота, кормил... – Голос у Дэна испуганный и обиженный.

В дверь начинают стучать. Потом откровенно колотят. Женский голос из-за нее:

– Откройте! Откройте сейчас же! Что там происходит?!

Я не обращаю внимания. Эта горничная тоже схлопочет между лопаток, если не уберется.

– Своим ключом открывайте! – кричит ей Дэн. – У нас тут приятелю плохо! Припадок!

– Припадок? – Я едва не цепляю его розочкой по руке; Дэн отпрыгивает, как животное, и тут же мне в левое ухо попадает кулак.

Удар сильный, рассчитанный, чтоб сбить с ног. И я падаю. Кажется, ударяюсь о ножку опрокинутого стола.

– Что же это такое?! – Горничная схватила за голову, обводит круглыми глазами комнату. – Что вы здесь устроили?!

– Вот у него припадок... эпилепсия, – восстанавливая дыхание, отвечает Дэн.

Я вяло поднимаюсь с пола, сажусь на кровать. Тру левую сторону лица. Во рту соленая кровь – язык прикусил.

Дэн начинает наводить порядок. Борис крадучись возвращается из туалета. Горничная тем временем приходит в себя и решительно заявляет:

– Вот что, освобождайте номер. Быстренько!

– Как это?

– Так! Вести себя надо по-человечески. Ишь, устроили! Давайте живее. – Она собирает с кроватей потоптанные, измятые наволочки, простыни.

– Куда мы в час ночи? До утра хотя бы...

– Мне что, за охраной идти? Так я пойду. – И она рысью помчалась куда-то. За охраной, куда ж еще...

– Ну ты, Хрон, и дура-ак, – вздыхает Дэн, берясь за сумку.

– Вы первые начали.

– Да пошел ты!..

6

В городе пусто и тихо, как будто все вымерли. Ни людей, ни машин. Лишь магазин «24 часа» приветливо светится, он похож на маяк среди бескрайнего черного океана.

Воздух холодный, в нем ни следа от дневной жары. Зима снова хозяйничает на земле, бродит по улицам, шупает деревья, камни домов и нас, одушевленных...

– Вот вporолись так вporолись! – бубнит Дэн. – Прикончить тебя мало, ублюдок.

– Вас мало прикончить. Я защищался.

– По идее, она не имела права выгонять, – рассуждает Борис, – ведь за номер мы заплатили. Сутки он наша собственность. Потом бы могла штраф предъявить, если мы что-то испортили.

Дэн зло ухмыляется:

– Вернись и скажи это ей.

– Теперь позднйак, надо сразу было...

– Ну и не хрен, значит, об этом базарить.

Дошли до станции. Все закрыто. На фанере, рядом с кассой, нашли листок с расписанием. Освещая его зажигалкой, изучили.

– Ближайшая электричка в пять двадцать. И что прикажете делать четыре часа? Застывать?

Сели на скамейку, закурили. Долго молчали. Время от времени поглядывали на часы, но стрелки, казалось, не двигаются. А холод знает свое дело – потихоньку вползает в нас, сжимает своими беспощадными лапами. Одеты мы довольно легко, не предполагали, что ночевать придется под открытым небом... Еще и похмелье... Плюс к этому – ухо у меня ноет, а если двигать челюстью, в нем что-то щелкает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.